

II.

БИБЛИОГРАФІА.

Die Cavalerie nach dem Geiste der jetzigen Kriegführung.—Waterloo.

Die Cavalerie nach dem Geiste der jetzigen Kriegführung, ihre Organisation, Bewaffnung und Verwendung im Kriege. Von Georg T. Denison jun., Oberstlieutenant, Commandant der Leibgarde des General-Gouverneurs von Ober-Canada. Aus dem Englischen übersetzt von E. von-Hylander, Rittmeister des k. bayerischen 4 Chevauxlegers-Regiment König. München. 1870. (Кавалерія въ духѣ нынѣшняго веденія войны, ея организація, вооруженіе и употребленіе въ военных дѣйствіяхъ. Соч. Джорджа Денисона младшаго, подполковника, командира лейб-гарди генералъ-губернатора Верхней Канады. Съ англійскою перевелъ Е. фонъ-Хиландеръ, ротмистръ баварскою легко-конною 4-ю полка. Мюнхенъ. 1870).

Всякій, знакомый съ дѣломъ, согласится, что воспроизвести образъ кавалеріи «въ духѣ нынѣшняго веденія войны», задача весьма трудная. Ни объ одномъ изъ трехъ родовъ оружія мнѣнія не расходятся нынѣ въ такой степени, какъ о конницѣ, и хотя вотъ уже дѣтъ десять—т. е. послѣ того, какъ усовершенствованное оружіе пѣхоты стало обнаруживать свое вліяніе на дѣйствія кавалеріи въ большой и малой войнѣ—пишутъ объ измѣнившемся значеніи конницы, однако и до сихъ поръ еще невидно общаго соглашенія касательно лучшей организаціи, вооруженія и, преимущественно, употребленія кавалеріи въ важныхъ случаяхъ. Опыты войны 1866 года не представили убѣ-

Т. LXXVII. Отд. II.

дительныхъ доказательствъ; быть можетъ, нынѣшней войнѣ суждено разъяснить если не всё, то многіе кавалерійскіе вопросы.

«Военный Сборникъ», съ самаго начала своего существованія, слѣдилъ за постепенными проявленіями самыхъ разнообразныхъ мнѣній и отзывовъ о той роли, которую должна или можетъ играть кавалерія вслѣдствіе совершенно измѣнившагося образа веденія войны, благодаря усовершенствованнымъ ружьямъ и пушкамъ. Журналъ напечаталъ на своихъ страницахъ *пятьдесятъ пять* статей о кавалеріи регулярной и ирегулярной (*), и, кромѣ того, въ особомъ приложеніи, далъ своимъ читателямъ (въ 1861 году) переводъ «Исторіи и тактики кавалеріи» Полана, англійскаго кавалерійскаго офицера, сочиненіе котораго, въ свое время, было пріятствовано единодушными похвалами знатоковъ дѣла.

Въ настоящей библиографической статьѣ, «Военный Сборникъ» считаетъ своею обязанностью познакомить читателей съ новѣйшимъ сочиненіемъ о кавалеріи, принадлежащемъ перу англійскаго кавалерійскаго офицера, имя котораго извѣстно по изданному имъ «Руководству къ аванпостной службѣ».

Какъ бы ни были противоположны выраженные дондѣ мнѣнія объ измѣнившемся значеніи кавалеріи, какъ бы ни старались возвысить или умалить этотъ родъ оружія его сторонники и противники, но, кажется, можно сказать утвердительно, что нѣтъ причинъ не вѣрить въ будущность кавалеріи. Изреченіе старика Жюиния: «*Sans une cavalerie expérimenté et suffisante les généraux marchent en aveugles et les armées sont compromises*» («безъ хорошей и достаточно-сильной кавалеріи, военачальники идутъ ослѣпую и арміи подвергаются опасности»), навсегда останется справедливымъ. Нечего, конечно, и пояснять, что должны послѣдовать серьезныя измѣненія, особенно въ употребленіи кавалеріи въ бою, съ цѣлію избѣгнуть, напримѣръ, такихъ громаднхъ жертвъ, какими поплачивались пруссаки въ кровавые августовскіе дни подъ Мецомъ и французы 1-го сентября (новаго стиля) при Седанѣ. Можетъ, безспорно, измѣниться и отношеніе легкой конницы къ тяжелой, именно въ тѣхъ арміяхъ, гдѣ тяжелая конница все еще беретъ слишкомъ большой перевѣсъ надъ легкой. Если же, наконецъ, кавалерія получитъ возможно-лучшее снаряженіе, чтобы тѣмъ достигнуть наибольшей быстроты движенія,

(*) См. Систематическій Указатель Военнаго Сборника за 1856—1867 годы стр. 8—11. Въ немъ поименованы *тридцать девять* статей; въ слѣдующіе за тѣмъ три года помѣщено въ журналѣ *шестнадцать* статей, кромѣ напечатанныхъ въ настоящей книгѣ.

следовательно и способности усилена шона; если ей, въ извест-ныхъ случаяхъ, дано будетъ другое вооруженіе, то и въ войнахъ нашего времени она выполнитъ лежащія на ней важныя обязанности.

Многіе опытные кавалеристы уже высказались въ такомъ смыслѣ. Еще въ 1859 году генералъ-маіоръ князь Эмиль Витгенштейнъ объяснилъ въ написанной имъ, на нѣмецкомъ языкѣ, брошюрѣ: «Cavalerie-Skizzen», недостатки современной кавалеріи и указалъ на многія въ ней улучшения (*). Вслѣдъ за нимъ, въ 1860 году, д'Аземаръ сообщилъ, въ своемъ трудѣ: «Avenir de la cavalerie», также весьма практическіе совѣты относительно снаряженія и употребленія кавалеріи. Въ февральской книжкѣ 1869 года «Австрійскаго Военнаго Журнала» («Oesterreichische Militair-Zeitschrift») напечатана была дѣльная статья о значеніи кавалеріи при нынѣшнемъ состояніи военнаго искусства. Всѣ эти писатели приходятъ къ выводу, удачно выраженному эпитафюмъ къ сочиненію д'Аземара: «Respect au passé—justice au présent—place à l'avenir».

Цѣль автора предлагаемой книги: обратить вниманіе на тѣ нововведенія, которыя кажутся ему необходимыми вслѣдствіе усовершенствованнаго оружія, и пояснить ихъ примѣрами изъ послѣднихъ австро-прусской и американской войнъ, такъ какъ въ этихъ войнахъ впервые получили наибольшее развитіе ружья заряжающіяся съ казны и повторительныя. Переводчикъ, которому подполковникъ Денсонъ сообщилъ многія примѣчанія и дополненія, предпослалъ своему труду довольно обширное предисловіе, въ которомъ, между прочимъ, выражаетъ надежду, что изслѣдованія автора «будутъ способствовать успѣху кавалерійскаго оружія на пути, должествующемъ возвратитъ прежнее значеніе нынѣ столь уменьшенной дѣятельности кавалеріи».

Послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ замѣтокъ объ улучшеніи огнестрѣльнаго оружія и о необходимости кавалерійскихъ нововведеній, авторъ приступаетъ къ изложенію плана своего предмета, какъ видно, основательно имъ изученнаго, и въ двадцати одной главѣ развиваетъ всю сущность, значеніе и практическое употребленіе кавалеріи. Въ первой главѣ разсмотрѣны *особенности кавалеріи*, сравнительно съ другими родами оружія, и приведены, въ доказательство, примѣры изъ военной исторіи древнихъ и новыхъ временъ; вторая глава прямо переходитъ къ *организации* кавалеріи. Именно по этому вопросу господствуютъ самыя противоположныя мнѣнія, хотя опыты войнъ аме-

(*). Русскій переводъ брошюры князя Витгенштейна помѣщенъ въ «Военномъ Сборникѣ» за 1862 № 2-й, стр. 428.

риканской и австро-прусской указали на рѣшительную необходимость существенныхъ нововведеній. Кавалерія должна быть весьма подвижна и вооружена такъ, чтобы могла сражаться на всякой мѣстности; для кавалеріи же тяжелой должны быть избираемы лучшіе люди и т. д.: всѣ эти старыя истины подтверждаются отзывами Наполеона, мнѣніями маршала Мармона, генераловъ Ли, Россера и Гозье. Третья глава объясняетъ *преимущества различнаго кавалерійскаго оружія въ сравненіи ихъ между собою*: авторъ желаетъ самую острую саблю, револьверъ вмѣсто пистолета, карабинъ по системѣ Спенсера, а для хорошо-обученныхъ войскъ и пикю. Въ четвертой главѣ рассмотрѣно *вооруженіе кавалеріи и конныхъ егерей*.

По мнѣнію автора, тяжелая кавалерія должна быть вооружена саблею, пикю и револьверомъ, но не карабиномъ, носить саблю на поясѣ, револьверъ на шнурѣ; напротивъ, легкіе драгуны и конные егеря должны имѣть, главнымъ оружіемъ, карабинъ, кромѣ того револьверъ, и въ бою слѣживаться. Переводчикъ соглашается съ мнѣніемъ автора и, въ предисловіи, подробно объясняетъ роль, которая принадлежитъ нынѣ кавалеристу, какъ «конному егерю». При этомъ онъ замѣчаетъ справедливо, что дѣло зашло бы слишкомъ далеко, если бы, при нынѣшнихъ условіяхъ европейскихъ войскъ и культуры, захотѣли создать такую конницу, которая искала бы боя пѣшкомъ, какъ свою наиболѣе выгодную особенность; да и требованія нашего времени учатъ, что намъ нужна кавалерія, вооруженная, снаряженная и воспитанная такъ, чтобы она не оставалась бесполезною лицомъ къ лицу съ нетронутою пѣхотою; чтобы она могла выступать самостоятельно на предпріятія болѣе обширныя, при которыхъ всякій разъ встрѣчались бы и неблагоприятныя условія мѣстности и неизбежность столкновенія съ другими родами оружія; чтобы, въ такихъ обстоятельствахъ, она не надѣялась на поддержку пѣхоты, не давала бы тылу, но, со свойственною ей быстротою, занимала тактически важные пункты и удерживала бы ихъ до прибытія пѣхоты. Споря нѣтъ — конь главнѣйшее оружіе всадника, и, если онъ падетъ, то нечего рассчитывать на продолжительность сопротивленія всадника; но коль скоро отъ артиллериста требуютъ, чтобы онъ пожертвовалъ даже орудіемъ, когда тѣмъ достигается предположенная тактическая цѣль, то и всадники, очутившись въ подобной крайности, не должны колебаться ни минуты бросить своихъ коней и сражаться пѣшкомъ, если того требуетъ общій ходъ дѣла, или если задача боя не можетъ быть выполнена иначе. Нѣкоторыя европейскія арміи, имѣя въ виду бой пѣшкомъ, вооружили кавалериста карабиномъ; переводчикъ же-

ласть, для большаго обезпеченія кавалериста, еще револьвера, ссылаясь на быстрые успѣхи въ технику огнестрѣльнаго оружія. Онъ думаетъ, что въ пѣшемъ бою всадника съ пѣхотинцемъ, лучше стрѣляющими и маневрирующими, это не только подниметь моральное мужество кавалериста, но и доставитъ большой перевѣсъ въ огнестрѣльномъ дѣйствіи, именно на послѣдней рѣшительной дистанціи. Безъ такого оружія нельзя ожидать стойкости спѣшенныхъ людей до послѣдняго момента: они, навѣрное, подчинятся чувству опасенія, что имъ невозможно будетъ добраться до своихъ коней и сѣсть на нихъ.

Нѣкоторые полагаютъ, что конные егера, въ видѣ не слишкомъ многочисленной отборной части кавалеріи, имѣютъ такое же право на существованіе, какъ и отборныя части пѣхоты, напримѣръ стрѣлки; но считаютъ непригоднымъ вооруженіе ихъ карабиномъ. Князь Витгенштейнъ такъ отзывался объ этомъ огнестрѣльномъ оружіи: «Изъ всѣхъ родовъ кавалерійскаго оружія самое непрактичное—карабинъ, короткій, тяжелый и шумный инструментъ, который годится скорѣе для нанесенія ударовъ прикладомъ, чѣмъ для стрѣльбы. Привѣшенный съ боку, онъ бьетъ всадника по локтямъ, утомляетъ его плечо; прикрѣпленный къ сѣдлу—третъ всаднику ногу, во всякомъ положеніи становится бременемъ и для всадника, и для коня, стѣсняетъ свободу дѣйствія, а при быстромъ движеніи сомнутаго строя заглушаетъ, бряцаніемъ колець, командныя слова». Быть можетъ, карабинъ и не заслуживаетъ столь безусловнаго порицанія: по практически-доказанному мнѣнію Донисона, онъ можетъ быть носимъ въ особенномъ кожаномъ чехлѣ съ правой стороны сѣдла, нисколько не стѣсняя ни всадника, ни коня; но нѣтъ и повода къ тому, чтобы огнестрѣльнымъ оружіемъ кавалериста былъ непременно карабинъ. Повторительная винтовка отличается и большею скоростію огня, и большею мѣткостію, подобно лучшему игольчатому карабину, едва превосходя его вѣсомъ. Генераль Стефанъ Ли говоритъ: «Самое пригодное и самое лучшее вооруженіе для кавалериста—разумѣю всѣхъ вообще посаженныхъ на коней—есть легкое повторительное ружье, два револьвера большаго калибра и сабля, которая должна быть приложена такъ, чтобы оставалась при сѣдлѣ, когда всадникъ спѣшивается. Имѣя такое вооруженіе, кавалеристъ всегда будетъ готовъ произвести шокъ съ увѣренностію, и ежеминутно можетъ быть спѣшенъ и употребленъ противъ конницы или пѣхоты». Авторъ недавно вышедшей въ свѣтъ брошюры: «Das Gefecht der combinirten Brigade» (Мангеймъ 1870 года) также высказывается въ пользу

«посаженой на коней пѣхоты», могущей разрѣшать извѣстныя тактическія задачи кавалеріи.

Въ слѣдующей, пятой, главѣ рѣчь идетъ *объ одеждѣ кавалеріи*. Авторъ желаетъ, чтобы она была красива, но не изысканно-щеголевата: по его мнѣнію, ничего не можетъ быть удобнѣе спенсера (но не полукафтана), плаща (шинели), фуражки и высокихъ сапоговъ; чемоданъ онъ считаетъ непрактичнымъ, а всякій лишній вѣсъ, носимый лошадыю, вреднымъ, что и объясняется подробно въ шестой главѣ. Въ этой же главѣ говорится, съ приведеніемъ примѣровъ, о сѣдланіи, о ковиѣ и объ уходѣ за лошадыю. Седьмая глава посвящена *построенію и обученію кавалеріи*. Здѣсь, на основаніи историческихкихъ излѣдованій, рассмотрѣны отношенія построенія къ тактикѣ и приведены отзывы извѣстныхъ кавалерійскихъ генераловъ. Въ главѣ восьмой обсуждается *моральный элементъ*. Авторъ полагаетъ, что духъ къ веществу относится какъ 3:1 — пропорція, кажется, слишкомъ смѣлая!... Слѣдующія четыре главы (отъ девятой до двѣнадцатой включительно) занимаются *тактикою кавалеріи* вообще, кавалеріи противъ кавалеріи, кавалеріи противъ артилеріи и кавалеріи противъ пѣхоты. Хотя и нельзя сказать, чтобы этотъ важный предметъ былъ обработанъ съ безупречною основательностію и исчерпанъ до конца, но многочисленныя и поучительныя примѣры изъ военной исторіи древнихъ и новыхъ временъ ставятъ читателя на твердую практическую почву. Подполковникъ Денисонъ держится мнѣнія, что кавалерія не можетъ сражаться оборонительно (кромя конныхъ егерей): она должна постоянно имѣть резервъ и вспомогательное оружіе, опираться на конную артилерію, и что, затѣмъ, кавалерія всегда обязана начинать дѣло, не говоря о другихъ ея задачахъ, напримѣръ о прикрытіи фланговъ и т. д., что разумѣется само собою. Авторъ выражаетъ еще убѣжденіе, что кавалерійскія атаки противъ каре на учебномъ плацу вредны, и что опыты съ мишенями для исчисленія быстроты конницы даютъ результаты несогласныя съ дѣйствительностію. Замѣчательно также предложеніе Денисона употреблять револьверъ при атакѣ. Онъ напоминаетъ, что еще Густавъ-Адольфъ руководствовался правиломъ: пускать кавалеристовъ на пѣхоту, стрѣлять въ нее изъ пистолетовъ и затѣмъ уже бросаться на противника съ палашами. Въ послѣднюю америкапскую войну, конница конфедератовъ атакывала часто, и притомъ съ большимъ успѣхомъ, пистолетными выстрѣлами. Князь Витгенштейнъ высказываетъ прямо-противоположное мнѣніе: «Что касается до столь прославленнаго въ наше время револьвера, то онъ годится при поѣзд-

кахъ по мѣстамъ, гдѣ хозяйничаютъ разбойники, напримѣръ для жандармовъ, для курьеровъ, для офицеровъ генеральнаго штаба и даже пѣхотныхъ; въ войнѣ мѣстной онъ приноситъ существенную пользу. На фронтъ же кавалеріи револьверъ имѣлъ бы вредное вліяніе, потому что солдатъ сталъ бы надѣяться тогда на свои шесть выстрѣловъ гораздо болѣе, чѣмъ на клинокъ, и, въ такомъ случаѣ, совершенно утратилъ бы довѣріе къ холодному оружію, которымъ обуславливаются дѣятельность кавалериста, его пылкость и отвага».

Ясно, что, въ виду такихъ крайнихъ мнѣній, истину должно искать въ срединѣ: современный кавалеристъ долженъ дѣлать одно и не отказываться отъ другаго; пусть холодное оружіе остается его главнымъ оружіемъ, но пусть не пренебрегаетъ онъ и револьверомъ, который, въ извѣстныхъ случаяхъ, можетъ быть ему весьма полезнымъ вспомогательнымъ оружіемъ. Когда, при наскокѣ, первые выстрѣлы сдѣланы изъ револьвера, посимаго, на шнурѣ, съ правой стороны, тогда правая рука тотчасъ же хватается за саблю и доканчиваетъ кровавую работу. Американскій полковникъ Джильморъ рассказываетъ, въ своемъ сочиненіи «*Четыре года въ сѣдлѣ*», многіе приѣмы изъ послѣдней войны, въ которыхъ огнестрѣльное оружіе кавалеріи приносило большую пользу при атакахъ.

Слѣдующія главы (отъ тринадцатой до шестнадцатой) имѣютъ предметомъ главную дѣятельность кавалеріи на войнѣ: собраніе свѣдѣній и сторожевую службу, то есть ту часть кавалерійской дѣятельности, на счетъ которой всѣ партіи между собою согласны. Сначала объясняется *форпостная и патрульная служба*, потомъ *рекогносцировки и разведки*. Опредѣленія перемѣшаны здѣсь съ правилами и приѣмами, чтобы выставить нагляднѣе важность и цѣлесообразное выполненіе такой отрасли службы, о которой Наполеонъ I нѣкогда сказалъ: «Если полководецъ, находящійся со своею арміею не въ пустынѣ, а въ странѣ населенной, не собралъ подлежащихъ свѣдѣній, то это навѣрное случилось потому, что онъ не понимаетъ своего дѣла». Коль скоро ведеты, патрули, пикеты, форпосты и т. д. точно и добросовѣстно исполняютъ свою обязанность, то главнокомандующему будутъ доставлены безусловно-необходимыя свѣдѣнія о странѣ и о жителяхъ, и затѣмъ онъ можетъ положить прочную основу своимъ операціоннымъ планамъ. Разумѣется, для этого потребны и другія вспомогательныя средства, каковы, напримѣръ, карты, вѣсѣ, телеграфы, оптичскіе полевые телеграфы, лазутчики, военныя хитрости и проч., о чемъ авторъ говоритъ на столько удовлетворительно, что съ мнѣніями его согласится почти каждый читатель.

Марши, лагери и продовольствіе изложены въ семнадцатой главѣ. Съ особенною, и притомъ основательною, подробностію говорить Денисонъ о маршахъ дневныхъ и ночныхъ, о желѣзныхъ дорогахъ и о пользованіи ими, о родѣ лагерей въ Америкѣ, о палаткахъ и о баракахъ, о продовольствіи, о реквизиціяхъ, о фуражировкахъ, о магазинахъ. Восемнадцатая глава посвящена *прохожденію чрезъ дефиле*; девятнадцатая — *нечаяннымъ нападеніямъ и засадамъ*; двадцатая — *транспортамъ*, двадцать первая — *парламентерамъ*. Вездѣ приведены правила, поясненныя военно-историческими примѣрами изъ древнихъ и новыхъ временъ, и едва ли въ послѣдніе годы появилось другое сочиненіе о кавалеріи, въ которомъ было бы собрано столько практическихъ примѣровъ. Все это придаетъ дѣльному труду подполковника Денисона несомнѣнный интересъ.

Къ книгѣ присоединено нѣсколько достойныхъ вниманія приложений. Во-первыхъ, два письма американскаго генерала Фигюга Ли (въ послѣднюю войну командовавшаго кавалерійскою бригадою въ сѣверо-виргинской арміи) къ автору. Онъ отвѣчаетъ на предложенные ему вопросы слѣдующимъ образомъ: лучшее вооруженіе для кавалеріи есть револьверъ Кольта по флотскому образцу, заряжающійся съ казны карабинъ Шарпа и французская кавалерійская сабля; лучшее сѣдло — такъ-называемое *сѣдло Маха-Клелана*; наиболее удобный строй для кавалеріи — въ двѣ линіи, а не въ одну. Затѣмъ слѣдуетъ письмо генерала-лейтенанта арміи конфедератовъ Стефана Ли. Онъ отдаетъ предпочтеніе по торжательному ружью предъ карабиномъ, признаетъ неэффективною пику противъ улучшеннаго огнестрѣльнаго оружія и думаетъ, что сабля утратила свою силу вслѣдствіе усовершенствованія револьвера. Въ подобномъ же смыслѣ высказывается и письмо генерала Россера (арміи конфедератовъ) о предложенныхъ ему кавалерійскихъ вопросахъ. Наконецъ сообщены замѣтки одного генерала (также арміи конфедератовъ) о сѣдлѣ и о револьверѣ, согласныя въ сущности съ вышеприведенными пунктами.

Изъ очерченнаго содержанія книги читатель можетъ видѣть, что она столько же интересна, сколько и богата содержаніемъ. Подполковнику Денисону принадлежитъ заслуга, что онъ впервые обработалъ предметъ, о которомъ весьма мало писано на англійскомъ языкѣ, что онъ составилъ дѣйствительно подробное и основательное изслѣдованіе объ организаціи, вооруженіи и употребленіи кавалеріи. Единственныя, достойныя вниманія, англійскія сочиненія о кавалеріи: ротмистра Нолана «Cavalry, its and tactics» и полковника Бимша: «Use and applicaton of cavalry in war» нужда-

лись во многих дополненіяхъ и объясненіяхъ, вызванныхъ новыми условіями тактики; подполковникъ Денисонъ не только взялъ на себя этотъ трудъ, но обогатилъ его указаніями извѣстныхъ кавалерійскихъ начальниковъ. Приводимые имъ примѣры касаются исключительно дѣйствій конфедеративныхъ предводителей конницы въ послѣднюю американскую войну. Это было поставлено автору въ упрекъ; онъ же оправдываетъ себя тѣмъ, что федералисты, когда число сражавшихся съ обѣихъ сторонъ было одинаковое, не проявили ничего особеннаго, тогда какъ слабыя части конфедератовъ, своимъ новымъ образомъ боя, т. е. сражаясь какъ конные егеря, часто одерживали, въ началѣ войны, верхъ надъ болѣе многочисленными кавалерійскими отрядами противника.

Въ книгѣ приложены два раскрашенныхъ изображенія «конныхъ егерей» и «тяжелыхъ кавалеристовъ», и два литографированныхъ плана: дѣло при Моноаси 9-го іюля 1864 года и расположеніе форпостовъ.

Waterloo. Etude de la campagne de 1815, par le lieutenant-colonel Prince Edouard de la Tour d'Auvergne. Paris 1870.
(Ватерлоо. Очеркъ кампаніи 1815 года, соч. князя Эдуарда де-ла-Туръ д'Оверня. Парижъ 1870).

Въ послѣднее время, французы, несмотря на все свое національное тщеславіе, при всемъ своемъ слѣпомъ поклоненіи Наполеону первому, стали колебаться въ своихъ закоренѣлыхъ ошибочныхъ мнѣніяхъ о великой «ватерлооской драмѣ», хотя, конечно, еще далеко не вполне уразумѣли ее. Такой перемѣнѣ весьма много содѣйствовала литература послѣдняго десятилѣтія, разоблачившая, наконецъ, историческіе романы Тьера во всей ихъ наготѣ. Шаррасъ, Кинэ, Пиераръ и другіе военные писатели, дорожащіе святою правдою, смѣло высказались о дѣйствительномъ значеніи роковаго періода наполеоновской славы и наполеоновскаго блеска и открыли глаза даже наиболѣе ослѣпленнымъ. Своими честными изслѣдованіями они еще разъ подтвердили вѣковую истину, что *всемирная исторія есть всемирное судилище*.

Князь де-ла-Туръ д'Овернь также рѣшился обнародовать новый матеріалъ для литературы кратковременной, но богатой своими послѣдствіями, кампаніи 1815 года. Извѣстно, что эта литература уже весьма многочисленна; она имѣетъ своихъ представителей въ средѣ почти всѣхъ европейскихъ націй, а именно: у англичанъ писали о Ватерлоо Эліотъ Блэркъ, Гуперъ, Силборнъ и Чесвэй; у бельгій-

цевъ и голландцевъ—Бріальмонъ и фанъ Лёбенъ; у нѣмцевъ и прусавъ—Дамиць, Мюфлингъ, Плото, Клаузевиць, Гофманъ, Рейхе, Вагнеръ; у французовъ—Гурго, Тьеръ, Кина, Шаррасъ, не говоря о множествѣ другихъ. Всѣ англійскіе историки, за исключеніемъ развѣ одного Чеснэя, приписываютъ честь дня герцогу Веллингтону, говоря, что предъ этимъ безсмертнымъ героемъ не устояла боевая гениальность самого Наполеона, что онъ разбилъ въ пухъ французовъ, а прусаки пришли уже послѣ сраженія и помогли только преслѣдовать разгромленнаго противника. Разумѣется, что патріотическія усилія англичанъ, не оправдываемыя, впрочемъ, исторією, включить герцога Веллингтона, котораго ныне не признаютъ стратегическимъ гениемъ, въ легенду національнаго героя, а старика Блюхера представить чѣмъ-то въ родѣ бульдога, посланнаго «железнымъ герцогомъ» въ погоню за разбитымъ неприятелемъ, крѣпко не понравились въ Пруссіи. Возникла оживленная, даже раздражительная полемика по этому вопросу, потрепавшая довольно нецеремонно ухищренія британской національной гордыни; но и прусаки, съ своей стороны, заши черезъ-чуръ далеко въ своихъ притязаніяхъ, и только правдивый трудъ голландца фанъ-Лёбена Сельса далъ правильную оцѣнку домогательствамъ спорившихъ о чести дня при Ватерлоо.

Во Франціи о Ватерлоо судили искони совершенно въ другомъ духѣ. Въѣето того, чтобы заняться изслѣдованіемъ вопроса: кому принадлежитъ заслуга побѣды? французскіе писатели усиливались разрѣшить болѣе близкій имъ вопросъ: кто былъ виноватъ въ пораженіи? Самъ Наполеонъ сочинилъ, на островѣ св. Елены, баснословное сказаніе о кампаніи 1815 года: онъ перепуталъ факты, разстоянія, дни и часы, сфабриковалъ фальшивыя инструкціи и небывалыя приказанія, которыя долженъ бы и могъ бы отдать, если бы зналъ заранѣе позднѣйшій ходъ событій. Если вѣрить рассказамъ съ острова св. Елены, т. е. первому донесенію, обнародованному подъ именемъ генерала Гурго, и позднѣйшими многотомными запискамъ (томы 8-й и 9-й), то Наполеонъ никогда не былъ болѣе дѣятельнымъ, болѣе дальновиднымъ и болѣе великимъ полководцемъ, какъ именно въ кампанію 1815 года; во всѣхъ же ошибкахъ, повлекшихъ за собою несчастный исходъ ея, виноваты генералы д'Эрлонъ, Ней и «предатель Груши».

Эти выдумки слыли во Франціи строгою правдою въ продолженіе сорока лѣтъ. Изъ нихъ-то Тьеръ скомпиллировалъ двадцатый томъ своей «Исторіи консульства и имперіи»; лживый рассказъ Наполеона онъ переработалъ въ романъ, который отъ начала до конца хотя и

принадлежитъ къ области вымысла, но, благодаря литературному таланту автора, сдѣлался популярнымъ и во всѣхъ училищахъ принять и изучается какъ *исторiя* войны 1815 года...

Каково же было общее изумленіе, когда противъ французскихъ фанфаронадъ выступилъ подполковникъ Шаррасъ и впервые наложилъ истинную исторію Франціи въ роковую для нея 1815 году!... Но еще прежде Шарраса, Эдгаръ Кинэ безпощадно распаталъ достоверность измышленій узника на островѣ св. Елены и тѣмъ приготвилъ умы къ оцѣнкѣ своего послѣдователя, который, какъ опытный воинъ, еще сильнѣе могъ разгромить бонапартовскую сказку. Результаты изслѣдованій Шарраса не могли быть опровергнуты, потому что онъ вездѣ опирается на подлинныя докумены; Чеснѣй, самый авторитетный изъ англійскихъ историковъ кампаніи 1815 года, безусловно воспользовался выводами Шарраса и включилъ ихъ въ свое сочиненіе.

Очень естественно, почему въ послѣдніе дни существованія второй бонапартовской имперіи, когда уже обнаружались признаки ея скоратаго паденія, сдѣлана была попытка опровергнуть, хотя въ нѣкоторыхъ пунктахъ, историческія изслѣдованія Шарраса и Чеснѣя. Эту неблагодарную работу взялъ на себя ревностный бонапартистъ, подполковникъ князь де-Латуръ д'Овернь.

Прежде всего слѣдуетъ поставить на видъ, что новый историкъ кампаніи 1815 года нисколько не пытается отстаивать сказанія Наполеона въ мемуарахъ острова св. Елены, слѣдовательно и все зданіе этого отдѣла тѣрева романа, которое только и держится на авторитетѣ словъ развѣччанаго предводителя французовъ. Князь де-Латуръ д'Овернь сознается (стр. 5-я предисловія), что рассказъ Наполеона заключаетъ въ себѣ многочисленныя и важныя «ошибки». Но слово «ошибки» развѣ можетъ имѣть мѣсто тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о преднамѣренномъ искаженіи истины? Позволительно допустить, что Наполеонъ умалчалъ о фактахъ, которые могъ забыть; но кто осмѣлится оправдывать его за явную клевету и за безстыдную ложь въ обвиненіяхъ, направленныхъ имъ противъ Ней и Груши?... Какъ неопровержимо доказана лживость этихъ обвиненій, видно уже изъ того, что князь Латуръ-д'Овернь, вездѣ заявляющій себя восторженнымъ поклонникомъ Наполеона I, не нашелся сказать ни одного слова оправданія своему кумару, въ защиту страннаго способа писать его исторію. Онъ усмивается только доказать, что Шаррасъ слишкомъ далеко зашелъ въ осужденіи Наполеона, что стратегическія движенія императора чудны всякаго порицанія, и что

пораженіе его должно приписать единственно неповиновенію Груши и ненадлежащему выполненію этимъ маршаломъ данныхъ ему приказаній.

Однако аргументаціи князя Латура-д'Оверни не въ силахъ избавить Наполеона отъ упрека въ неизвинительной близорукости и въ грубыхъ стратегическихъ ошибкахъ. Довольно привести одинъ примѣръ. Между различными элементами, изъ которыхъ Наполеонъ, въ «Mémoires de St. Hélène», смастерилъ свое обвиненіе противъ «предателя» Груши, первое мѣсто занимаетъ приказаніе, посланное имъ маршалу въ ночь съ 17-го на 18-е іюня, сначала, въ десять часовъ вечера, въ оригиналь, потомъ, въ три часа утра, въ дубликатѣ. По смыслу этого приказанія, Груши долженъ былъ занять деревню Шанель-Сенъ-Ламберъ отрядомъ изъ 7,000 или 8,000 человекъ. Нѣтъ надобности пояснять, какимъ важнымъ обвинительнымъ пунктомъ противъ маршала было бы неисполненіе такого непримѣннаго приказанія; даже эпитетъ «предатель» оправдывался бы этимъ отчасти. Всѣ французскіе историки, писавшіе о днѣ при Монъ-Сенъ-Жанъ, и въ главѣ ихъ, конечно, Тьеръ, ухватились за рассказанный Наполеономъ моментъ, какъ за капитальный обвинительный пунктъ, и навинулись на Груши. Между тѣмъ, нынѣ уже извѣстно, что вся эта исторія *выдумана* Наполеономъ и принадлежать къ категоріи грубыхъ историческихъ подлоговъ, которые онъ нерѣдко позволялъ себѣ. Маршалъ Груши не только *не получалъ* упомянутыхъ депешъ, но нѣтъ даже никакихъ слѣдовъ, чтобы депеши были отправлены; ибо невозможно допустить, чтобы съ столь важныхъ документовъ не сняли копій, или, по меньшей мѣрѣ, не выесли бы ихъ въ уцѣлѣвшій донныя реестръ депешъ, посланныхъ изъ главной квартиры. А въ реестрѣ поминованы всѣ другія депеши, даже самыя незначительныя!... Извѣстны были бы и имена посланныхъ къ Груши офицеровъ; самое содержаніе депешъ было бы упомянуто въ первой депешѣ, отправленной къ маршалу утромъ 18-го числа, какъ то принято было во всѣхъ другихъ депешахъ.... Ничего подобнаго нѣтъ. И потому существованіе депешъ, на которыя опирался, въ свое оправданіе, Наполеонъ, положительно отвергается новѣйшими историками похода 1815 года, даже самия княземъ Латуръ-д'Овернемъ, доказывающимъ, что эти депеши никогда не могли существовать. Но авторъ забылъ упомянуть о маленькомъ обстоятельстве, которое, однако, имѣетъ большую важность, т. е. что Наполеонъ самъ, прежде всѣхъ, рассказываетъ эту исторію!...

Можно предполагать, что такая забывчивость преднамѣренная,

потому что ею авторъ уклонился отъ вопроса на весьма неприятную дилемму. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не спросить: если Груши точно виноватъ во всемъ несчастіи дня при Ватерлоо, какъ въ томъ хотеть убѣдить Латуръ-д'Овернь, то Наполеону осталось бы только изложить сущую правду въ своихъ запискахъ, чтобы сложить съ себя вину и ввалить ее на плечи Груши. Зачѣмъ же было ему прибѣгать къ такимъ грубымъ, чтобы не сказать пелѣнымъ, историческимъ подлогамъ для доказательства вины Груши?... Не слишкомъ-ли простодушно было, со стороны Наполеона, выбирать кривой путь къ достиженію цѣли—который могъ быть открытъ и, дѣйствительно, открытъ—когда онъ имѣлъ возможность дойти, куда хотѣлъ, прямою дорогою?

Дѣлая отвѣтственнымъ за разгромъ при Ватерлоо единственно и исключительно маршала Груши, авторъ старается, напротивъ, оправдать другаго, несправедливо обвиненнаго Наполеономъ генерала, маршала Нея, личная честь котораго жестоко была оскорблена тѣмъ, что императоръ желалъ снять съ себя всякую вину и отвѣтственность за бѣдственный исходъ кампаніи 1815 года.... Здѣсь замѣчательна однако осторожность, съ которою авторъ держитъ себя вдали отъ малѣйшей попытки коснуться моральной оцѣнки характера своего героя....

Въ чисто-военномъ отношеніи, трудъ Латуръ-д'Оверня имѣетъ, однако, право быть причисленнымъ къ полезнымъ, или, по крайней мѣрѣ, интереснымъ матеріаламъ военно-исторической литературы 1815 года, особенно какъ фактическое изложеніе хода битвы при Ватерлоо; но, ни въ какомъ случаѣ, онъ не можетъ имѣть притязанія на проведеніе новыхъ взглядовъ, а еще менѣе служить опроверженіемъ того, что сказано и доказано Шаррасомъ. Скорѣе книга Латуръ-д'Оверня, въ своихъ главныхъ пунктахъ, подтверждаетъ установившееся нынѣ сужденіе о Наполеонѣ и о его послѣдней кампаніи.